

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

УДК 37

ПЕДАГОГИКА МАЛЫХ ЭТНОСОВ

И.П. Смирнов

Аннотация. В апреле 2016 года на сайте Российской академии образования, вместо формальных сообщений, появилась необычная информация о выходе в свет 18 книг серии «Неопознанная педагогика» доктора педагогических наук, академика РАО Анатолия Марковича Цирульникова - руководителя поисковых исследований Федерального института развития образования Минобрнауки РФ. Они оценены как «важнейшее событие в отечественной педагогической науке» [1].

Якутия-Саха, Татарстан, Марий-эл, Калмыкия, Башкирия, Хакасия, Бурятия, Карелия, Кубань, Алтайский и Красноярский края, Тульская, Калужская, Московская, Рязанская, Еврейская автономная области, Киров, Вологда, Пенза, Новгород и еще Павловск, что под Питером... Когда перечисляешь адреса его путешествий, перед глазами встает вся Россия.

40 лет ученый-исследователь посвятил научно-педагогическим экспедициям по образовательным окраинам России. Побывал в школах, которых нет в статистике; в школах, где стоит задача не только обучить, но и выжить.

Ниже публикуется четвертая рецензия на серию книг А.М.Цирульникова.

Ключевые слова: педагогика, образование, малые этносы, Калмыкия, Хакасия, Марий-эл, Татарстан, А.М. Цирульников.

PEDAGOGY OF SMALL ETHNIC GROUPS

I. Smirnov

Abstract. In April, 2016 on the website of the Russian Academy of Education was announced the publication of 18 books in the series "Unidentified pedagogy" doctor of pedagogical sciences, academician RAE Anatoly Markovich Tsurulnikov - Head of Exploratory Research of the Federal Institute for Development of Education of the Russian Federation Ministry of Education. They are rated as "the most important event in the fatherland pedagogical science" [1].

40 years the author spent in research and educational expeditions: Yakutia-Sakha, Tatarstan, Mari El, Kalmykia, Bashkortostan, Khakassia, Buryatia, Karelia, Kuban, Altai and Krasnoyarsk, Tula, Kaluga, Moscow, Ryazan, the Jewish Autonomous Region, Kirov, Vologda, Penza, Novgorod and yet Pavlovsk, near St. Petersburg. Purposely chose educational outskirts, dying and sentenced to the liquidation of schools, looking for ways to save them. He visited the schools that are not in the statistics; where the task is not only teach, but also to survive; where training conditions can not apply state educational standard.

Below is published the fourth review of the series A.M. Tsurulnikov books.

Keywords: pedagogy, education, small ethnic groups, Kalmykia, Khakassia, Mari El, Tatarstan, A.M. Tsurulnikov.

В основе этнопедагогики лежат иные кирпичики, чем в обычной школе (А.М.Цирульников)

В русском языке синонимом термина «этнос» долгое время было, да и сейчас остаётся, понятие «народ». Однако, в науке этносу отводится свое, самостоятельное место, хотя и даются различные трактовки.

К этносам относят естественно сложившиеся на основе оригинального типа поведения общности [Л. Н. Гумилёв]. В характеристику этноса вводят общие элементы культуры и памяти, миф об общем происхождении, географическая территория [В.А. Тишков]. Зарубежные ученые сужают понятие этноса до «расширенной родственной группы» [П. ван ден Берге].

Из этих, пусть и несколько разрозненных, оценок можно выделить главные признаки этноса. И легче понять особенности России как многонационального государства, в составе которого насчитывается 130 этносов. Среди них есть крупные [русские и украинцы, например] и малые [их много].

Половина педагогических экспедиций академика РАО А.М. Цирульникова связана с изучением малых этносов. «В России есть какой-то свой принцип, лежащий в основе системы образования, недостаточно проявленный, - пишет он, Его искали со времен Ушинского в идеале человека, который осуществляется в системе воспитания. Этот идеал в России, если

она желает быть мирной и благожелательной – многоголосье ценностей и представлений многих этносов, ею объединяемых» [2, с. 2]. Отмечаемое автором желание быть «мирными и благожелательными» в истории малых этносов много раз подвергалось испытаниям. Отсюда еще одна, забытая упомянутыми выше учеными, их характеристика: обостренное самосознание, святость традиций, особая сплоченность. Она формировалась вековыми притеснениями со стороны крупных этносов и собственными междоусобными распрями.

«Этот спокойный, дружелюбный народ, - пишет А.М.Цирульников об этносе республики Марий-эл, - не раз в истории оговаривали, именовали диким, ломали через коленку при Иване Грозном и Иосифе отворотительном, пытались утопить в лагерном болоте. Но не только не утопили, но и не озлобили. И народ остался, в общем, таким же спокойным и дружелюбным – мягким, терпимым, национально не конфликтным и внимательным к отдельному человеку, домашним каким-то народом. В европейской культуре даже заговорили о «марийском феномене», своеобразном историко-культурном наследии, сохранившемся в языке, фольклоре, этнопедагогике» [2, с. 3].

В образовании республики многое рождается из почитания и развития традиций. Как пример, автор приводит созданный 20 лет назад литературный кружок, который вела поэт и редактор детского журнала Татьяна Иштрикова. Кружок расширялся и, когда детей набралось человек шестьдесят, им дали помещение, это уже был литературный клуб. В него пригласили известных писателей, журналистов, переводчиков, ввели творческие мастерские. Теперь из него, как из гнезда, выпорхнула «Синяя птица» - так называется единственная в республике, да, наверное, и на всем свете, средняя общеобразовательная литературная школа - гуманитарная гимназия в столице республики Йошкар-Оле.

На селе этнический аспект в образовании проявляется еще ярче и начинается с заботы о младших. Не просто младших, а тех, кто нуждается в особой поддержке. Автор увидел это в районном центре Аскиз, в Хакасии, в «Специальной (коррекционной) школе-интернате для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Если сказать проще – брошенных детей с психическими проблемами. В основном, из детского дома, больше семидесяти процентов – социальные сироты. «Мне кажется, – говорит директор школы, – социальные сироты это хуже, чем просто

сироты. Когда нет – и нет. А когда знаешь, что где-то есть родители, что тебя бросили, и ты в интернате пожизненно... Сиротство – это пожизненно» [3, с. 3].

Малые этносы острее чувствуют сиротскую реальность. Здесь широко распространены семейные дома, патронат, другие формы призрения. Хорошо это или плохо? Если семья хорошая – приемный ребенок будет обогрет. Марийские семьи и сегодня бывают большими, до 20 и более человек.

Патронат тоже расширяется. В маленьких деревенских школах учителей сейчас сокращают и, чтобы сохранить школу, люди берут детей на патронат. Но при патронате – не зарплата, а вознаграждение, и не каждая семья согласна на такие условия. К тому же при патронате можешь взять ребенка на год, на два, и в любой момент отказаться. А что значит отказаться? Для ребенка стресс... [2, с.7].

А.М. Цирульников отмечал подобные явления и в других регионах, у крупных этносов, в деревнях под Красноярском, например. Но в Марий-эл, в малых этносах такое заметнее, сильнее. Здесь это не событие, а явление, даже тенденция. Дополним автора тем, что эта позитивная тенденция стимулируется другой, негативной - ростом сиротства в России. Статистика его общеизвестна.

В ходе встреч с учителями возник вопрос по поводу национальной школы в Марий-эл и в малых этносах вообще. И автор, и учителя, и руководители министерства образования сошлись на формуле: «пока есть», «пока живет». На слове «пока» был сделан заметный акцент [2, с. 78]. Не удивительно, вопрос сложный, к тому же и часто замалчиваемый. Как и вопрос об изучении этнического языка. А.М. Цирульников от него не уходил, спрашивал, допытывался, подчеркивал - решать его надо не в центре, этносу виднее.

В 90-е годы, когда начала развиваться самостоятельность регионов, в школах Марий-эл стали два часа изучать марийский язык, потому что государственный язык, так считалось. «Но назвать марийский язык государственным можно с натяжкой, это же не государство, а часть России», – считает министр образования республики Г.Н. Шевцова [2, с. 79].

Не все хотят изучать язык, не только русские, но и марийцы. Этнос Марий-эл и сам еще делится на горных и луговых. Марийским языком, в основном, считается луговой, но часть ученых считают, что горный тоже самостоятельный язык. А вообще в республике до пятнадцати диалектов. Первая азбука появилась в девятнадцатом веке, письменность -

только в двадцатые годы прошлого века, поэтому в лексике языка многое отсутствует, научные понятия и прочее. Здесь надо не столько сохранить, сколько создать язык. Республика специфическая, много военных. «Зачем нам ваш язык, – говорят в семьях, – если мы снялись сегодня и уехали в другое место».

«В средней, старшей школе у родителей возникает вопрос о будущем ребенка. В вуз поступать? А в вузе – все на русском языке, включая экзамены. Так что...» - не договорила министр. Не стал дальше развивать тему и А.М. Цирульников - правильно сделал. А может и надо недоговаривать? Сохранять в вопросе о национальных школах и языках положительный акцент на словах «пока есть», «пока живет». Жизнь покажет, этносы решат сами...

«Шарик на ниточке, отведенной в крайнее верхнее положение и отпущенный – может пойти влево, может вправо», - образно комментирует эту проблему А.М. Цирульников. И философски заключает: «Синергетическая ситуация неопределенности» [2, с. 82]. Кстати, по мнению основоположников теории синергетики: «во многих важных случаях существует горизонт предсказуемости, за который нам не суждено заглянуть». [4] Пока не суждено, но надо спокойно двигаться в сторону горизонта.

Описанная А.М. Цирульниковым ситуация характерна для всех малых этносов. Эвенкийский язык, например, состоит примерно из 50 говоров, объединенных в 14 диалектов. Свести их к одному, государственному крайне сложно, если возможно вообще. Помимо этой проблемы, этносы беспокоит общая ситуация с образованием населения. В настоящее время среди малых народов севера России в возрасте 15 лет и старше доля населения, имеющая начальное образование, равна 8%, основное общее образование — 24%, что в 3 раза отличается от средних данных по стране [5].

«При всей общности процессов в некогда коммунальной квартире, куда заселили «семью народов», отдельные ее члены приходят к разным историческим итогам», – пишет автор, - Дело не только в численности и национальном характере, в котором проявляется сопротивляемость разрушительным переменам и способность находить решения в непредвиденных ситуациях. Есть еще один, немаловажный фактор. Можно назвать его культурным и духовным запасом, который сосредоточен в опыте народа, его сознании и поведении, помогающих прочерчивать собственную линию судьбы в переплетении исторических обстоятельств и выборов» [2, с.

82]. Вот почему предсказывать судьбу этнических, национальных школ и языков трудно. Тем более, что и с судьбой России еще не все ясно - вон как история обошлась с бывшим СССР.

А.М. Цирульников постоянно подчеркивает, что в Марий-эл, как и у других малых этносов, тема изучения этнического языка открыта, дискуссии продолжаются, педагогика в поиске. Убрали обязательность. Создали восемнадцать вариантов учебного плана. «Мы решили, - рассказывает ему министр, - хорошо, если не хотите изучать марийский язык, вот курс: «История и культура народов Марий Эл» – чтобы формировать интерес. И это в школах было спокойно воспринято [2, с. 79]. Хорошее решение и важный шаг к еще не близкому «горизонту».

«Была у меня гипотеза, основанная на многолетнем опыте кочевий по России, - пишет автор, - опыт этот свидетельствовал, что нечто интересное, перспективное можно обнаружить, как правило, в тех местах несчастного отечества, где сохранилась хоть какая-то культурно-национальная подкладка. Некий растительный покров, культурный слой, без которого песчаная буря, вызванная безумными действиями власти и населения, – превращает ландшафты в пустыню. Сфера образования – не исключение» [6, с. 2].

Подтверждение такой гипотезе он находил именно в педагогических экспедициях этнического направления, убеждаясь в способности этносов сохранять свою «культурно-национальную подкладку» в любых, даже экстремальных ситуациях. Порою кажется, что выживаемость этноса беспредельна. В этом его убедила и Калмыкия.

В «начале времен», т.е. очень давно, - вспоминает А.М. Цирульников, - в столицу республики Элисту летал маленький самолетик с пятьюдесятью пассажирами на борту, единственный, через день и только из Москвы, туда и обратно. По этому самолетику можно было догадаться об отношении «кремлевских горцев» к Элисте и Калмыкии, с которой, кроме сухой степи да солончаков что возьмешь, да и электорат – 286 тысяч населения, – имеет не слишком большое значение в период всероссийских выборов, а в остальное время – тем более» [6, с. 3]. Тогда, помимо хрестоматийного пушкинского «и друг степей калмык...», многие ничего не знали об этом крае и утверждали, что Калмыкия находится то ли в Средней Азии, то ли в Сибири.

Ну, были еще несколько озвученных центральным телевидением ярких фактов, типа -

Калмыкия единственная в Европе страна буддизма, а в Элисте, по инициативе первого Президента республики К.Илюмжинова, ставшего еще и Президентом Международной шахматной федерации, выстроен шахматный чудо-град. С таким скудным набором знаний А.М.Цирульников прилетел в Калмыкию.

В Элистинском аэропорту его встретил Арслан Эрдниев, внук знаменитого калмыцкого академика РАО, математика-педагога советских времен. Он работает в министерстве образования и пытается оживить в Калмыкии общественно-педагогическое движение, заглохшее в России лет двадцать тому назад.

Кто бы мог предсказать, что малый этнос калмыков расцвел как мировой заповедник шахмат! Здесь шахматы потеснили многие национальные игры и увлечения, затмили традиции, вошли в каждую семью, в школы, в быт. В республике создана шахматная Академия, Дворец шахмат напомнил автору по своему величию сказку «Тысяча и одна ночь». В вестибюле на мраморном полу шахматные фигуры величиной с подростка, турнирные залы, флаги всех стран и народов, винтовая лестница в несколько этажей ведет к стеклянному куполу, чуть ли не к небу. На стендах детские фотографии – «шахматные надежды Калмыкии»: двенадцатилетние международные мастера, четырнадцатилетние гроссмейстеры. Не удивительно, шахматы преподают по всей республике как обязательный предмет в школах. Регулярно проходят турниры по быстрым шахматам. Словом, шахматы в Калмыкии образуют и воспитывают [6, с. 13].

«Как, по-вашему, шахматы влияют на ребенка? – поинтересовался А.М. Цирульников. – Лучше учатся по математике?» – «Не только по математике, – заметил президент шахматной Академии А. Абушинов. – У шахматиста-ученика систематизируется процесс учения. Строить дебют, миттиншпиль, эндшпиль – все равно, что осваивать новый учебный материал, выполнять исследовательский проект». Приносить жертву за инициативу. Взвешивать собственные шансы. – дополняет его автор, ссылаясь на собственный шахматный опыт» [6, с. 14, 17].

Так хотелось бы присоединиться к восторженным оценкам обоих любителей шахмат. Однако, подумалось, а были бы шахматы в такой чести у калмыков, если бы ими не «заболел» Президент республики? Ведь известно: если вверху играют на скрипке не надо удивляться, что внизу пляшут (К. Маркс). В России не раз подобное бывало, то все вдруг заиграли в теннис, то главным видом спорта

стало дзюдо. Плохого в этом нет, но есть ощущение перекося, искусственно создаваемого культа. И больше всего в таких случаях беспокоит, надолго ли? До следующего Президента?

Теперь шахматами «заболел» новый министр образования России О.Васильева, которая предлагает сделать их обязательным учебным предметом. Помощники уже услужливо подготовили ей и аргументы: «У нас 40 регионов играют в шахматы, и они показывают абсолютно другие оценки», – утверждает министр (7). Словом, наконец, найден мощный рычаг, который резко поднимет качество образования. И, все же, как и в случае с национальными языками, здесь давить на регионы не стоит. Может оказаться, что губернатор региона больше любит нарды и не готов перестраиваться на шахматы. Да и В.Путина за шахматной доской еще не заставляли. Надо ли и здесь администрировать?

А.М. Цирульников также убеждается, что людей, особенно педагогов, волнуют не только шахматы. Как и марийцев, калмыков, всех представителей малых этносов, больше беспокоит будущее своего языка. Первая в республике калмычка-профессор О.Д. Мукаева, ее любовно называют «бабушка калмыцкой этнопедагогике», сама говорит: «Умирающий язык...». А этнопедагогику она считает наукой даже не о возрождении и развитии, а о спасении народа.

Автор убедился, в Калмыкии тоже делают все возможное для сохранения языка. Но без нажима, без нагнетания, без перегибов. В гимназии, где он побывал, расписание такое: в первой половине дня уроки на родном языке: калмыцкая литература, музыка, изобразительное искусство, труд. Математика преподается по учебнику академика Эрдниева на двух языках: одна страничка задачника по-русски, другая – по-калмыцки. Физика на русском. В старших классах, вообще, все на русском и английском [6, с. 76]. Процесс возрождения этнического языка идет сложно; результаты пока малоисчислимы.

В государственном университете в Элисте по-калмыцки свободно говорит один только ректор Б. Салаев. Его в университете называют опорой, надеждой и спасением языка. Думают, как сделать, чтобы другие заговорили и решили попробовать через буддизм, через молитвы на родном языке. «Я хочу, – говорит профессор О.Д. Мукаева, – распространить в школах: ты молишься по-калмыцки, ты должен знать язык» [6, с. 74].

Есть и более радикальные взгляды. В. Боков – лидер общественной организации «Иткыл» считает: Кто знает родной язык, но не говорит на нем, – убивает народ. Кто не знает языка, и не приступает к его освоению – тоже убивает народ. Люди ищут кучу причин: а зачем мне язык? Если нет веры – останется все как есть». И еще он предлагает: если бы было так, что на работу нельзя устроиться без калмыцкого языка, – за два дня бы выучили» [6, с. 75]. Ну, это уже точно перебор. На Украине попробовали, и что получилось... Тоже все с языка началось.

В конце прошлого года озабоченный диалог на эту тему произошел между федеральной властью и руководством республики Татарстан. Он стал началом совместного поиска компромисса в этом трудном вопросе. Можно не сомневаться, республика найдет правильное решение, не обижая ни один из живущих в Татарстане народностей и этносов.

Да и в будущее смотреть надо. Та же О.Д.Мукаева замечает: Мои калмыки, мой внучонок будут жить в многомерном мире» [6, с. 74]. И ведь при этом точно знает, что будущий мир будет говорить не на калмыцком языке. Наверное, и не на русском.

Понять хранителей этнических языков можно. «Без родного языка невозможно национальное самосознание» (О.Д. Мукаева). «Язык – это большой клад – народное творчество, то, что написано замечательными писателями – калмык никогда не прочувствует этого, если он без языка» (В.Боков).

Спорить с этими заслуженными представителями калмыцкой интеллигенции трудно и, даже как то не уважительно по отношению к малому этносу. Но поскольку истина дороже, хотел бы вспомнить, что мы читаем Шекспира, Гете, Дюма, Экзюпери на русском языке и ничего, чувствуем, ценим и даже любим. наших – Толстого, Чехова, Пушкина читают и на английском, и на китайском, и на арабском. Достоевский и вовсе бьет все рекорды по переводу на иностранные языки. А Библия (или ее части) переведена на 1829 языков, так на нее просто молятся, чтят не за язык – за святость. И не забыть бы, что все мы любили Народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова, читая его стихи на русском языке.

Министр образования Калмыкии Л.Б. Васильева, беспокоясь за сохранение языка, смотрит на вопрос шире: «От того, что искусственно насаждаем калмыцкий язык в школе, дети не станут носителями языка». Она одновременно является и министром культуры, а потому считает, что сберегать надо народные ремесла, этнические традиции, уклад жизни.

В Калмыкии, единственной из субъектов Российской Федерации, школы не переведены на «подушное финансирование». На вопрос А.М. Цирульникова директору профессионального лицея в Элисте: «Есть ли конкурс?» тот ответил: «Нет, – учителя учеников из школ не отпускают». Их можно понять, самим надо выжить. Но в результате стоят пустые училища, где учат практически всем профессиям. Подушное финансирование ударило по ремеслам, мастерам, искусствам, традициям, не оставляя возможности научиться чему-нибудь руками, – заключает автор [6, с. 91]. Он прав: теперь и большие школы, вслед за малыми, сельскими поставили «на бюджетный счетчик». Не наберешь контингента – закроем. Школы выставлены на рынок, учителя – на биржу труда.

Упрощенные до примитивизма бюджетные реформы образования – наш ответ на естественные перемены в обществе, в том числе и демографические. Мы не справляемся с явлением, которое известный американский футуролог Элвин Тоффлер назвал «Шок будущего», как он обозначил феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа изменений в обществе. Другие страны ищут резервы не в бюджете, а в изменении базы образования. Так, местный отдел образования Лос – Анжелеса решил, что 25 % классных комнат города станут в будущем временными сооружениями, которые, если нужно, могут быть преобразованы в другие помещения. В любом большом образовательном центре США сегодня используются временные классные комнаты.

В Англии архитектор Седрик Прайс спроектировал полностью передвижной университет, предназначенный обслуживать 20 000 студентов в Северном Стаффордшире [8]. Есть и другие «небюджетные» решения и ответы на вызовы времени.

Не все сразу и всерьез приняли предупреждение Тоффлера о «Шоке будущего». В Китае сначала его книгу запретили, потом она стала «библией» китайской интеллигенции, второй по популярности после речей Дэн Сяопина. Может и в Москве пора почитать, малые этносы уже читают. Создают семейные, передвижные, кочевые школы...

В Калмыкии не пошли на поводу федерального министерства, ни одну школу не сократили, просто структурировали. Если в школе семь учеников, она становится отделением большей школы. В сельской местности наполняемость в классе 15 учеников, в городе – 25 [6, с. 92].

«У этого народа огромная тяга к образованию, – замечает автор. - Не знаю, насколько это верно, но говорят, что еще недавно в московских и петербургских вузах студенты-калмыки по удельному весу занимали второе место. Ходит байка, что когда ректор МГУ Садовничий спросил, зачем вводите платное обучение, ему ответили: «А вы хотите, чтобы одни евреи и калмыки учились?» [6, с. 23]. Ну, это, скорее всего, действительно байка, вымысел. Вроде тех, что любит рассказывать про себя другой малый этнос - чукчи в серии известных анекдотов. Хотя наблюдение важное.

Министр образования республики Л.Б. Васильева сетует на крен молодежи в сторону интеллектуального труда. «Философия калмыков, - говорит она А.М. Цирульникову, - устроена так, что они последний скот продадут, но ребенок получит высшее образование и будет заниматься интеллектуальным трудом. А ремеслом – редко. Практически у нас считанное количество мастеров. Резьба по кости, ювелирное дело есть, но, как правило, дети этим не занимаются. Преемственность утрачена» [6, с. 21].

Замечание о крене молодежи в сторону обязательного получения высшего образования правильное. Относится оно к России в целом, это не свойство малого этноса, не беда только Калмыкии. С времен федерального министра образования А. Фурсенко в России началась административная кампания за переход к всеобщему высшему образованию. Потребности экономики были принесены в жертву высокой амбиции. Из Государственной программы «Содействие занятости населения» [15.04.14 г. N 298] можно увидеть: спрос на квалифицированные рабочие кадры оценивался в 76% от общего спроса; осваивало такие профессии лишь 30%. Выпускников с высшим образованием в 4,5 раза было больше, а СПО - в 2 раза, НПО – в 6 раз меньше, чем требуется. Подобная тенденция сохраняется и сейчас. Эксперты определяют такой перекос структуры подготовки кадров как образовательный дефолт, способный вызвать крах экономики. Расходятся только в вопросе о сроках и сценариях краха.

Отношение к кампании за всеобщее высшее образование остается противоречивым, путанным, и малые этносы это чувствуют острее. С одной стороны, В. Путин считает: «Даже если в настоящий момент нашей экономике и не нужно столько работников с высшим образованием – назад вернуться уже нельзя. Не люди должны подстраиваться под существующую структуру экономики и рынка труда – экономика должна стать такой, чтобы

граждане с высоким уровнем образования, с высоким уровнем запросов могли бы найти себе достойное место» [9].

С другой стороны, Минобрнауки РФ (понятно, не без одобрения сверху) в последние годы нещадно вырубало сорняки на вузовской поляне, уменьшая в общем выпуске долю «юристов-экономистов» в пользу «машинистов-трактористов». И правильно. Хотя лучше и дешевле было бы такого не допускать, идти не на поводу амбиций, а по потребностям экономики. Вот уже и вице – премьер Правительства РФ О. Голодец признала: «Для двух третей населения России высшее образование сегодня является избыточным» [10].

«Самое хорошее дело в Марий-эл, – говорит А.М. Цирульникову математик Арслан Эрдниев, – овец пасти. Классно...» [6, с. 45]. Шутит, наверное, иначе бы сам пас. Но в этом и часть ответа на перекосы – в России рабочий труд, особенно сельский, опущен до постыдного. По телевизору славят успехи нефтяников, банкиров, менеджеров - белых воротничков. Один обыватель в Москве тоже пошутил: «я живу напротив офиса Роснефти и в окно вижу, как сбываются мечты». Добавим, а еще это можно увидеть по телевизору, каждый день, по любому каналу.

Из путевых записок А.М. Цирульникова по Калмыкии, Марий-эл, Татарстану, Якутии рождается надежда, что авторитет рабочего человека первыми и всерьез начнут возрождать этносы, большие и малые. Через образование - общее и профессиональное, через возвращение к обычаям и культуре предков.

У них есть гордость, есть традиции и есть стремление к этому. «Среди народов России лишь калмыки не были крепостными, – пишет автор. - Лев Гумилев выделил два народа: калмыков и североамериканских индейцев, предпочитавших рабству смерть. Шапку калмыки «не ломали» даже перед царем, говорили: «нам культура не позволяет» [6, с. 23].

Перед царем, может, и не ломали, но были подвергнуты унижительному выселению в годы Сталина. Об этом А.М. Цирульников повествует подробно и доказательно, со ссылкой на документы той эпохи, на еще оставшихся свидетелей. Чувствуется, что каждая педагогическая экспедиция требует от него серьезной подготовки, работы в архивах, изучения статистики и фактов. Он рассказывает о том, какие страницы истории и как отражаются в памяти современного поколения, на каком историческом фоне формируется сознание школьников, на чем базируется педагогика малого этноса. Много из этого не прочитаешь в

федеральных учебниках, такие «детали» часто оставляют за скобками истории.

В 1943 году, в самые тяжелые годы войны, «Всесоюзным старостой» М.Калининым был подписан Указ №115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Целый народ, мужчины и женщины, старики и дети обвинялись в измене и выселялись в Сибирь. Тайная операция под кодовым названием «Улусы» была спланирована так, чтобы за следующий после Указа день вывезти 120 тысяч калмыков. Выселению подвергались все граждане калмыцкой национальности и женщины любой национальности, состоящие в замужестве с ними.

В разгар войны, когда истекавшему кровью фронту был дорог каждый солдат, в Калмыкию стянули 10 тысяч воинского контингента. Для перевозки людей прислали более тысячи огромных американских военных машин, тех самых знаменитых «студебеккеров», что поставлялись союзниками по ленд-лизу. «Могли ли американцы представить себе, для каких целей?» – в скобках замечает А.М. Цирульников [6, с. 111].

«Впервые в истории, возможно и мировой, преступлением признавалась принадлежность человека к нации, к малому этносу. Верх сталинского мракобесия и произвола!» – эмоционально, но точно оценивает автор.

Были выселены в Сибирь калмыки из Ростовской области. Затем – из Сталинградской. Были депортированы все калмыки из Москвы и других городов. Даже с фронта отзывались солдаты и офицеры – калмыки, в том числе орденосцы, Герои Советского Союза и направлялись в исправительно-трудовые лагеря [6, с. 108]. Поздней об этом напишет калмыцкий поэт Давид Кугультинов:

«В то время гнев несправедливый, дикий

Нас подавил... И свет для нас потух.

И даже слово самое – «калмыки»

Произносить боялись люди вслух».

Малый этнос - калмыки нес на себе печать клейменного народа. Ссылаясь на исследования, в том числе и А. Солженицина, автор приводит мрачную статистику: смертность калмыцкого населения в дороге и первые год-полтора пребывания в Сибири составляла не менее 60 процентов. Во многих леспромхозах Красноярского края калмыцкие семьи вымерли полностью [6, с. 21].

А.М. Цирульников убедился, что современное молодое поколение калмыков не только не забыло, но и настойчиво исследует эту страницу истории. Ищет ответа на вопрос: «На

каком основании выселялся калмыцкий народ в целом?». И не находит. Есть покаяние власти за содеянное, но нет ответа по существу.

Некоторые историки находят объяснение в том, что в этот памятный год фашистам удалось на оккупированной территории сформировать из калмыков «добровольный кавалерийский эскадрон» в составе 150 человек [6, с. 106]. Но это не повод для насилия над целым народом. Ведь создал же русский генерал Власов целую армию, воюющую против СССР. И ничего, грузин Сталин не сослал за это русских в Сибирь.

Есть еще гипотеза академика Эрдниева-старшего, что «калмыков выслали из-за скота, был нужен скот, поэтому выслали народ» [6, с. 170]. Она распространена, но тоже сомнительна. Когда в 1921 году из-за реквизиции зерна поднялся известный «Тамбовский бунт», население области не выселяли. Послали войска во главе с будущим «маршалом победы» Георгием Жуковым, который сурово навел там порядок.

Что писать в учебнике российской истории о депортации калмыков и не только их? Государственный образовательный стандарт создает для этого хитрую нишу - региональный компонент. Но можно ли такие события ограничивать региональными рамками, не кощунственно ли подобное забвение? Особенно если учесть, что в соответствии со сталинской директивой «обострения классовой борьбы», о чем напоминает в книге А.М. Цирульников, - внутренними врагами стали: поляки западных районов страны, корейцы Дальнего Востока, немцы Поволжья, чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, крымские татары... Всего в 30-50-е годы депортации подверглось 3,5 миллиона граждан разных народов СССР [6, с. 104]. Для каждого находилась причина.

Причину находят и сегодня. Российские СМИ сообщали о принятом в Чечне решении разрушать дома террористов и изгонять из республики их семьи. Вопреки закону, здесь сын отвечает за отца, жена - за мужа. Мол, куда же смотрела семья?! Почему родные воспитали террориста в своем доме? Но, по сути, это не борьба с терроризмом, а месть, не демонстрация силы, а пример бессилия. Тоже особенность малого этноса? Нет, здесь возрождаются старые мотивы семейных, этнических, коллективных «врагов народа».

Ссылаясь на исследования известного советского историка А.И. Некрича, А.М. Цирульников приводит подсчеты человеческих потерь при депортации народов. У карачаевцев потери составили – 30%; у

балкарцев – 26%; у чеченцев – 22%; у ингушей – 9%. Количество погибших крымских татар только в первые полтора года выселения оценивается в 46 % от общей численности! И всю эту историю малых народов надо загнать в региональный компонент? Вряд ли с таким подходом можно согласиться. О судьбе малых этносов, добровольно вошедших в состав большой страны, должны знать потомки всех народов многонациональной России. Чтобы не повторилось.

«Еще важнее для молодежи», - замечает А.М. Цирульников, - знать о попытках честных людей защитить депортированные народы, которые нередко стоили им свободы. Из-за смелых писем «вождю народов» в лагере оказался народный поэт Д. Кугультинов, герой Брестской крепости Н. Санджиев... Школьники ищут и находят в архивах письма, на которых стоит личная виза Сталина: «тов. Берия. – И.», а тот исполнял» [6, с. 120]. Когда в ряде регионов России сейчас пытаются возродить культ Сталина, задаешься вопросом, как это воспримут малые этносы, как совместить это с судьбой Калмыкии? Да и не только ее.

Историческая правда нужна, чтобы лучше понять настоящее. Почему, раньше центром этого края была Астрахань? Почему после 1943 года территория Калмыкии уменьшилась в три раза? Почему в республике живет только седьмая часть мировой диаспоры калмыков? На подобные вопросы, по оценке А.М. Цирульникова, ориентирована поисковая работа школьников. Оставить их без ответа – породить новую ложь.

Сегодня в республике, – подсчитал спутник автора Арслан Эрдниев, – примерно сто пятьдесят тысяч калмыков. А во всем мире – около миллиона. Пятьсот тысяч живет в Китае, в Синзянь-Уйгурском автономном округе. Калмыки живут в Афганистане, Монголии. В свое время разработали программу возвращения 100 тысяч калмыков на родину, и руководители Китая были «за». Но проект не пошел, потому что желающих сюда перебраться не нашлось. Приехали, посмотрели. Единение-то единением, но... «Разница большая, даже не в уровне жизни – в отношении к человеку» [6, с. 94]. Обидно такое слушать, но и поучительно. В чужую для них Европу мигранты миллионами плывут на лодках через открытое море. Тонут, гибнут, но большинство добирается. Учат новые языки, ищут работу, получают профессию.

«Нормальные люди в двадцать первом веке собирают не земли (это делает власть со средневековым мышлением), а мозги». – замечает Арслан Эрдниев. Толковое замечание,

мудрое и актуальное. И тут же неожиданно добавляет: «здоровый генофонд в России перебили и пропили» [6, с. 95]. А вот это читать уже стыдно, но калмыки имеют право так говорить и не скрывать этого в школьных учебниках.

Итоги педагогических экспедиций А.М. Цирульникова в школы малых этносов объясняют повышенный интерес молодого поколения к прошлому своего народа. Поэтому здесь, прежде чем учить математике, физике, географии, учат истории. А в семьях обычно требуют от детей знания своих предков не менее, чем до седьмого колена, меньше нельзя. «В бурятской деревне, - вспоминает автор, - однажды я видел древо из семнадцати колен. Такая вот есть традиция у малых этносов».

Нужно это и для сбережения рода. Кровосмешений здесь не допускается до седьмого колена. Поэтому невест обычно ищут в далеких районах. По роду оценивают и качества невесты. «Тохм халях» (по калмыцки) – узнать род. Кто в роду? Раньше старики говорили: «А, – род воров. А эти – пьющие, из поколения в поколение, а те – хозяйственные, порядочные» [6, с. 170].

«Я не слышал, - вспоминает А.М. Цирульников, - чтобы такое было где-то: выходит потомок-девочка, и рассказывает про своего дальнего предка, сотника, есаула Манка Талтаева, героя Отечественной войны. Его фамилия стоит в Указе императора Александра I, а орден Анны III степени вручал ему сам Кутузов. И так многие дети выходили к доске и рассказывали о своих предках из далеких времен. Просто рассказывали, - пишет автор. [6, с. 78]. Да нет, не просто. Можно быть уверенным, каждый ищет в своем роду пример для гордости, образец для подражания. Национальную идею, если хотите, которую мы безуспешно ищем последние годы.

У малых этносов не совсем так. Здесь любовь к родине начинается с семьи, с рода. Вернее сказать, не начинается, а составляет основу, без которой такое святое чувство будет не полным, а то и не настоящим. Патриотизм нельзя воспитать на уроках в школе, он приходит изнутри, это личный выбор человека, его собственное движение к пониманию истины.

Замеченное А.М. Цирульниковым в Хакасии родовое движение существует в малых этносах наряду с местным самоуправлением. В Аскизском районе, например, куда лег следующий путевой маршрут автора, пятьдесят один род, в роду от 200 до 500 и больше народу. А по всей Хакасии - за двести родов перевалило.

В основе родового образа жизни лежат доброта, взаимопонимание и уважение к человеку, которые проявляются в очень понятных делах. Кто поддержит, поможет, если не родственники: дом построили, помогли молодой семье, позаботились о сироте. «Жизнь рода на виду, стоит совершить дурное, тень ляжет на всех. Тут и история, и социология, и педагогика, - верно замечает автор» [3, с. 27].

Идея возрождения родового образа жизни поддерживается культурной частью Хакасии. Приходит осознание, что кроме личной карьеры и успеха в жизни еще есть долг перед предками и ответственность перед потомками. Интеллектуальная элита - тоже входит в какие-то роды, и в этом своем качестве размышляет и действует.

Бывают районные съезды хакасских родов, где утверждают комплексную программу развития рода. К ней даже бизнес-планы есть и формы управления через совет старейшин, создается свой фонд. Все серьезно, фонд имеет печать юридического лица. «Рядом с государством рождается общество», - пишет А.М. Цирульников.

Занятая нарисована автором картина, побуждает к размышлению. То ли государство не справляется, то ли люди ему не доверяют, то ли в XXI веке в России так и не появилось эффективных структур управления? А что еще подумаешь, если параллельно власти создается еще одна власть, восстанавливается структура вековой давности? «Глава рода - выборная должность, без использования врущих СМИ и грязных политтехнологий», - особо подчеркивает автор. Также актуальное наблюдение.

По требованию рода восстанавливаются и утраченные обычаи, традиции культурной жизни. В селе Есино А.М. Цирульников познакомился с тремя учителями физкультуры (это - в одной сельской школе!), которые создали нестандартное оборудование для учебных занятий. В числе прочего: наклонная доска с ремнями, лежа на которой можно подтягивать руками тележку; самодельные скакалки, сделанные из камеры; брусья и перекладины, раздвижные, выдвигаемые, передвижные. - занимающие мало места и увеличивающие плотность урока. Школа самая обыкновенная, деревенская, но в ней - и стрельба из лука, и борьба, и тяжелая атлетика, и легкая. А вот и национальное: муляж головы лошади, на которую набрасывают аркан с пяти-шести метров, как в жизни, «народные колодки» для бега с эстафетой, борьба на кушаках, стол для рукоборья, разновидность шашек. «Все какое-то

деревянно-железное, гремящее, неуклюжее», - замечает А.М. Цирульников, но половина учеников этой школы - рекордсмены Хакасии, занимают первые места в республике. В роду следят и замечают успехи каждого, гордятся чемпионами.

В селе Бельтыры автор увидел в школе висит лозунг: «В новом тысячелетии живем по-новому». Хотя школа старенькая, - все рушится, зиму бы перезимовать. А перед входом, в вестибюле красуется огромное родовое дерево Асочаковых из рода Ахчыстар - 16 колен. У каждого рода своя легенда, свой диалект и свое дерево [3, с. 32].

«Сколько же колен родственных связей надо знать на пятёрку?» - спросил автор учителей села Барагхан в Бурятии. - «Семь колен нужно знать хорошо», - ответили ему. - «И ученик знает, как звали пра-пра-пра-пра-прадеда?» - «Знает».

«Я проверил, - пишет А.М. Цирульников, - опросив несколько детей и взрослых, включая местного шамана». На шестом колене некоторые задумывались. Но из имеющихся в Бурятии одиннадцати родов - свой собственный род знали твердо. Учительница Мангутова, например, принадлежала по мужу к роду «баяндэ», а по отцу - к «сынгылдыр». Заведующая учебной частью Ачирова говорит, что это и её род. «Мы, - сообщает, - где-то к 14-му колёну оказываемся с ней одного рода, а с 7-го расходимся». - «И вы это знаете?!» Кивают: конечно [11, с. 20].

Когда у ребёнка только сознание пробуждается, мать начинает ему рассказывать от его собственного имени: я такой-то, мой отец - такой-то, отец моего отца - такой-то, и ребёнок повторяет, скороговоркой, как таблицу умножения. А школа закрепляет. В результате ребёнок знает, кто он и откуда. Человека могут в лицо не знать, но старики спросят: какой род? Кто по линии матери отец? А по линии отца? И уже картинка рисуется. Знают и рода соседей, долина же маленькая.

Когда ребёнка отправляют учиться в школу, и надо решить, в какой класс пойти (их в Барагхане три - обыкновенный, «подтягивающий» и «опережающий»). Или какую лучше выбрать профессию. Или ещё важнее: с кем семью строить, чтобы получились здоровые дети - во всех подобных случаях баргузинская родословная приходит на помощь. Можно принять более правильное решение - если знаешь, что у тебя на роду написано. И что не написано. «Выбор остаётся, конечно, за человеком, у нас школа так устроена», - объяснял директор Бадман Эрдыниев [10, с. 20].

А.М. Цирульников спрашивает учителей: «Что же все-таки это такое: учение? игра? возвращение к родоплеменному строю?» - «Нет, - засмеялись, - это традиция. Таковы требования рода, который хочет выжить и развиваться. Мы, живущие в России вне традиций, плохо понимаем, что все это значит. А иногда оцениваем это как отсталость, дикость, «социокультурный атавизм».

«А для нас, - пояснили учителя в Марий-эл, - понятно, зачем родовое движение возрождать. Надо выжить. В одиночку в этом государстве трудно выжить. А родом - легче. Вопрос выживания» [2, с. 29]. «От родового мы переходим к коллективному. – рассказывают педагоги. - Вопрос стоит так: уровень жизни человека поднять на уровень рода. Если каждый богат, то и род богат. А если беден - рода не будет».

В Аскизе собирают семейные «древа», пишут историю и составляют «Справочники родов». Глава республики Дагестан Р.Г.Абдулатипов как-то сказал о малых народах: достаточно два-три поколения, чтобы они исчерпали себя [3, с. 31]. Надо продержаться.

За десять последних лет естественная убыль населения Хакасии, например, - 26 тысяч человек. Целый район. А тут их всего - восемь. И остановить трудно. Республику уже заселяют китайцы, киргизы, вьетнамцы... «Мы без территории останемся», - опасаются собеседники А.М. Цирульникова.

Родовые формы организации всегда шли рядом с религией. Бывало, каждый род имел своего бога. Сейчас у каждого этноса бог один. У хакасов – Христос, у калмыков - Будда, у татар и башкир - Аллах. Но, как рассказывали А.М. Цирульникову, бывает даже и смешанная вера: в Верхтее бабушка перед камланием читает «Отче наш». Верит в двух богов, на всякий случай. В районном отделе образования подтвердили да, у нас христианство переплетается с шаманизмом. Тот, кто в Хакасии не живет, думает, что это чуть ли не кощунство, а тут это норма [3, с. 22].

Удивляться описанному автором феномену особо не стоит, как и видеть в этом «атавизм». Экуменическое понимание духовной жизни уже распространяется. В США, например, это привело к созданию так называемой «светской религии». Там военный священник (капеллан) проводит богослужение одновременно и для христиан, и для мусульман, и для индусов. В молитве обращаются не к конкретному божеству, а к некоему «абсолюту». Капелланы выполняют роль воспитателей, психологов, наставников.

Общение с высшими мирами в малых этносах куда как шире, чем в других. И верят в это охотнее. О своих таинственных встречах с инопланетянами рассказывал экс-президент Калмыкии К.Илюмжинов. Как будто, они навестили его прямо в московской квартире, пришвартовав межпланетный корабль к балкону. «Я с ними общался, я их видел, - заявил К. Илюмжинов под камеру известного телеведущего В. Познера. - У меня часто спрашивают, на каком языке общался. Наверное, на уровне мыслей» [12]. Может, так и было? Пусть каждый читатель оценит по-своему: кто с иронией, кто с недоверием, а кто-то и с завистью.

Зато о судьбе малых этносов А.М. Цирульников узнал много и поведал честно. Читать «этническую» часть его большой серии из 18 книг особенно интересно. Многие из традиций и новых образовательных форм в разных республиках совпадают, хотя и создаются порознь.

«В основе этнопедагогики, – пишет автор, - лежат иные кирпичики, чем в обычной школе. В ней «знаниевая основа», а в народной педагогике – так называемая, деятельностно-развивающая. Можно сказать, что этнопедагогика гораздо ближе к развивающему обучению Эльконина и Давыдова, чем обыкновенная массовая школа, и еще неизвестно, что под кого подстраивать – этнопедагогику под нынешнюю школу, или, напротив, школу перестраивать по законам этнопедагогики [13, с. 100].

В заключение темы, надо дать одно пояснение. Калмыкия, Хакасия, Марий-эл, тем более Татарстан и Башкирия, строго говоря, не входят в категорию «малых этносов». К «малым» по закону отнесены этнические общности с числом менее 50 тысяч человек. Тогда им положены льготы: по налогам, по пользованию землей, водой, ресурсами. «Впрочем, считают в Хакасии, и «малым» положено лишь на бумаге» [2, с. 26].

В одном из хакасских районных городков Ширу директор школы В.И. Коков, прощаясь с автором, выразил общую мысль так: «Мы живем в памяти, в прошлом, в истории только. А перспектив на будущее нет. Пахнет могильной сыростью... Я волнуюсь... Подсказывают мне, что из нашей деревни вышли большие люди. Вышли... Но это было давно. Давно... А с каждым поворотом исторического винта наш народ, этнос уходит в историю».

«Он говорил о своем маленьком народе, а я, - пишет А.М. Цирульников, думал о большом, что пришел в эти места» [2, с. 44]. Отношение к малочисленному народу – оселок, на котором

проверяется народ побольше. Это все равно, что отношение к младшему, к ребенку в семье; оно многое говорит о взрослых.

К сказанному автором еще бы надо заметить, что маленький народ пришел к большому, чтобы найти защиту, поддержку, помощь. Но порою сам защищается от него: и в период

коллективизации, и в период депортации, и сегодня, в период нынешнего реформирования. Актуальность и острота национального вопроса в огромной стране никогда не снижается. А развал бывшего СССР напоминает, что первые трещины всегда проходят по национальным границам.

Литература:

1. Вышла серия книг об образовании в России начала XXI века по материалам экспедиций и социокультурных исследований академика А.М. Цирульникова [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rusacademedu.ru/news/neopoznannaya-pedagogika-proektanatoliya-cirulnikova-akademika-rao/>

2. Цирульников А.М. Неопознанная педагогика: Марий Эл. По человеку с дыма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>

3. Цирульников А.М. Неопознанная педагогика: Хакасия. Ах тастыр – белые камни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>

4. Капица С.П. и др. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1990.

5. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период 2020 г. с. 25. — Режим доступа: <http://2020strategy.ni/data/2012/03/14/1214585998/1>

6. Цирульников А.М. Неопознанная

педагогика: Калмыкия. Страна между двумя берегами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>

7. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002.

8. Занятия по шахматам станут обязательными в начальной школе. // Учительская Газета, 10.10.2017. Источник: <http://www.ug.ru/news/23160>

9. Путин: Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить.- Известия, 16 января 2012.

10. Голодец О. Двум третям россиян высшее образование не нужно. // Московский комсомолец, 12 июля 2016 г.

11. Цирульников А.М. Неопознанная педагогика: Бурятия. Засечки Черского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>

12. Эхо Москвы, 04.04.2015.

13. Цирульников А.М. Неопознанная педагогика: Якутия. Педагогика кочевья. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>

Сведения об авторе:

Смирнов Игорь Павлович (г. Москва, Россия), член-корреспондент РАО, доктор философских наук, e-mail: ips2@list.ru

Data about the author:

I. Smirnov (Moscow, Russia), Corresponding Member of RAE, Ph.D., e-mail: ips2@list.ru

Серия книг А.М.Цирульникова "Неопознанная педагогика" представлена на сайте Сетевых исследовательских лабораторий «Школа для всех».

Режим доступа: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/274>